С навигации 1979 года на нашем судне «Волгоград» остались три человека: это капитан М. И. Алфёров; старпомом стал после того, как защитил диплом, наш второй штурман, воспитанник нашего теплохода А. Я. Миллер, он прошёл путь от практиканта до первого штурмана; четвёртую навигацию на судне в должности электромеханика работал и я. Остальная команда была новая. Второй и третий штурманы — воспитанники Ленинградского речного училища, отрабатывали обязательную практику: три года на судах Енисейского пароходства. Кто-то после отработки уезжал домой, а кто-то оставался на Енисее, заводил семью, получал положенную квартиру. Вторым штурманом был Сергей Шеин — Викторыч, здоровый парень, а третьим наоборот, маленький Малышев — Леонидыч. Шеин сразу уехал после отработки домой, его земляки говорили, он там стал капитаном. Малышев задержался у нас на флоте.

В ту навигацию у нас поварихой была Люда. Она пришла к нам с толкача «ОТ-2000», где капитаном был Малишевский, он и рекомендовал её нашему капитану М. И. Алфёрову. Как говорится, сбыл с рук. Она зимой вышла замуж за парня намного моложе её. Они хотели работать вместе, но капитан с «ОТ-2000» отказал им, зато наш взял.

На флоте не приветствуются семейные пары на судне, происходят всегда скандалы. Так оно и получилось, они с мужем «отравили» всем жизнь в навигации. Хоть она имела звание «Лучшая повариха флота», работая много лет на «ОТ-2000», но варила плохо — наверное, за другие заслуги звание получила. Она принесла на судно своего кота. Не знаю, как капитан позволил ей это. На флоте не принято брать животных на судно. Были случаи, когда капитаны брали с собой собак, и то для охоты, это было редкостью. На пассажирском дизель-электроходе возили небольшого медведя, был такой случай. Её кот надоел всей команде и ей самой за два рейса, да и проверяющие врачи с СЭС могли оштрафовать. Люда сама, наверное, устала за ним убирать, да и психованная была, в припадке гнева она его выбросила за борт. Её муж привёл к нам своего друга,

тоже моториста, Витьку, они пришли на флот после службы в армии, это была их первая навигация. Конечно, они ничего не умели, а Витька оказался ещё и матершинником, из десяти слов у него пять были нецензурными.

Л. Кузнецов. 1980 год

Как всегда, первый рейс мы сделали на Ангару, на шпалозавод недалеко от посёлка Стрелка. Пока нас грузили шпалой, мы почти всей командой пошли в посёлок по магазинам. В одном маленьком деревянном магазине мы увидели, как в него закатили большущую деревянную бочку пива, стал собираться народ с тарой. Специальным насосом выбили пробку и вставили его в бочку. После этого стали качать и разливать пиво. У нас никакой с собой тары не было, а хотелось попробовать бочкового пива. Оно было не простое, а «Бархатное», а мы, кроме «Жигулёвского», ничего в жизни не пробовали. Я выручил команду — купил в магазине стакан, и мы все выпили пива. Этот стакан до сих пор стоит у меня в серванте как память. Такого вкусного пива я ни до и ни после не пил. Умели делать пиво в советское время, не чета современным порошковым. На следующий день мы взяли двухведёрный бачок и пошли за пивом. Купили, принесли на судно и напились, кто сколько смог.

Загрузившись шпалой, привезли её в Красноярск, заодно опробовали все механизмы в работе, устранили неполадки. Потом загрузились своим традиционным грузом — бочками с метанолом — и пошли в рейс на реку Большая Хета, в посёлок Тухард (Факел). В те далёкие времена большие суда по этой реке ходили до сорока пяти километров от устья реки и возили груз для газовой трассы Мессояха —

Норильск. Никто тогда не знал, что на триста километров от устья будут разрабатывать Ванкорское нефтегазовое месторождение.

В наше время после ледохода на этой реке уровень воды поднимается на несколько метров, и большие суда с баржами спокойно доходили до Ванкора. Летом уровень воды сильно понижается, и наш теплоход «Волгоград» с осадкой сто восемьдесят сантиметров частенько садился на мель на перекатах. Дно реки было песчаным, мы легко снимали судно с мели и двигались дальше. В тот год мы постоянно водили на буксире две небольшие баржи с цистернами, в которые заливали метанол, с ними был катер «Яна». Мы водили их до Тухарда и обратно в Красноярск. С их помощью мы всегда перевыполняли месячный план. Один раз возвращались в город в тумане. С рулевой рубки не было видно ни барж, ни катера. Мы даже не заметили, как буксирный трос слетел с гака. Хорошо, на катере была радиостанция «Кама-С». Нам сообщили о потере и подвели к нам эти две баржи. Мы снова взяли их на буксир.

Один раз нам дали задание взять под борт старый лихтер, гружённый вином, на Игарку. На этом лихтере был шкипер — старик дядя Лёня, и с ним пять девчонок-продавщиц, сопровождавших груз. Днём мы разглядывали их в бинокль, а вечером решили сходить к ним на лихтер познакомиться. Знакомство состоялось. Продавщицы принесли вино, накрыли стол, и пошла у нас гулянка до самой Игарки. На флоте в те времена на судах в свободное от вахты время играли в карты «1001», а девчонки предложили нам играть в «дурака». Мы, правда, уже подзабыли эту игру, но вспомнили. За четыре дня игры в «дурака» напрочь забыли «1001» и потом пришлось по новой вспоминать правила. У продавщиц на бой стеклянных бутылок при перевозке давалась какая-то норма, поэтому они вина не жалели.

Когда мы везли бочки с метанолом на Большую Хету и обратно уже пустые, нам не разрешалось заходить в Дудинку. Опасный груз, на мачту поднимали два красных флажка. Поэтому мы редко бывали в самой Дудинке: постоим на рейде, подойдёт «Плавмагазин-619» или «608», отоварит нас продуктами, и идём дальше в рейс. К нам также не подходили судоходная инспекция и санэпидстанция (СЭС).

Один раз пришлось завезти какие-то документы в диспетчерскую Дудинки. Стали на рейде, вызвали рейдовый катер,

второй и третий штурманы поехали на берег. Когда они вернулись на судно, мы зашли в каюту ко второму штурману Шеину, он рассказал, кого видел из друзей и что купил. Он показал флакон с аэрозольной пеной для бритья. В те времена иностранная пена была для нас новинкой, и никто не знал, как ей пользоваться. Шеин был парень крупный, силы у него было немерено, он направил на себя баллон и нажал от души на кнопку аэрозоли. Наверное, полбаллона пены вылетело на его лицо. Всё случилось неожиданно для него и для нас, и мы дружно рассмеялись. Это напомнило нам эпизод фильма «Джентльмены удачи», когда верблюд плюнул в лицо артисту С. Крамарову, очень было похоже.

Возвращались осенью с Большой Хеты, когда на ней уже стал лёд. Зашли в Дудинку грузиться медью и никелем. Пока стояли под погрузкой, команда вышла в город. Я купил плед с красно-синими квадратиками. Принёс в каюту, разложил на кровати — и тут у меня что-то произошло с глазами. Погляжу на плед — в глазах все квадратики прыгают, погляжу в другое место — всё нормально. Какая-то непереносимость этих двух цветов оказалась. После я подарил этот плед своей сестре.

Осенью на Большой Хете я сильно простыл, грудь заложило, кашлял, температурил. Матроска Ольга сделала мне горчичники. Я лежал на кровати, в это время ко мне в каюту пришли меня лечить старпом Андрей Миллер, старпом с местного катера «Гений» Вова Дулин, наш старый друг, тоже выпускник КРУ, и матроска Ольга. Они хотели напоить меня водкой с перцем. Я достал им свои две бутылки водки, покупал их для обмена на рыбу у тунгусов. Сделали раствор, но я не смог его выпить, сильно болел, тогда они сами всё выпили за моё здоровье.

В этот же день мы вышли с Большой Хеты на Енисей, дошли до Игарки и стали там на рейд. Первый и третий штурманы поехали в Игарку. В час ночи я проснулся, смотрю — мы до сих пор стоим на рейде Игарки. Пошёл на камбуз, захотел попить горячего чаю. В каюте третьего штурмана Леонидыча горел свет. Зашёл в каюту к нему и удивился: на койке лежала знакомая по лихтеру с вином продавщица Ира. Поговорил с ней. Оказалось, на судне была ещё одна её подружка по лихтеру — Вера. Наши штурманы пропьянствовали с ними на берегу, а потом на судно их привели. В то время шла

Олимпиада в Москве, и всех неблагонадёжных людей высылали из Москвы. Наших знакомых продавщиц в Игарку сослали на перевоспитание. Утром вызвали рейдовый катер и увезли их на берег, а мы пошли на Червенский осерёдок грузиться песком. Посреди Енисея был этот песчаный остров из чистого строительного песка, речники много десятилетий вывозили его в Красноярск и в Дудинку для строительства.

Запомнился случай. Стояли мы под погрузкой у Ладейского причала. По течению мимо нас прошла лодка «Прогресс», а в ней на корме стоял Хасан, старпом с теплохода «СТ-700», и пытался завести мотор. Мотор не заводится. Лодку пронесло мимо нашего теплохода, а за нами на якорях у причала стояла баржа «БОА», не гружёная, поэтому нос у неё был приподнят. Хасана с лодкой понесло прямо под нос этой баржи. Видя это, он выпрыгнул за борт, и его сразу затянуло течением под баржу, а лодка, накренившись, упёрлась в носовой подзор баржи. Там и остановилась.

Мы видели, как из-под правого борта баржи вынырнул Хасан и поплыл по течению. Капитан объявил тревогу «Человек за бортом». Спустили свою лодку на воду, второй и третий

Л. Кузнецов. Фото 1980 года

штурманы догнали его и посадили в лодку. Привезли его к нам на судно и расспросили: как он выбрался из под плоскодонной баржи? Мы, конечно, знали, что человек, попадая под судно, как мячик прилипает к днищу, задыхается и остаётся там, пока его не оторвёт течением или проплывающим бревном. Хасан был опытный речник, он это всё знал и специально выпрыгнул из лодки заранее, чтобы не попасть в капкан вместе с лодкой. Перевернулся на спину и начал отталкиваться от плоскодонной баржи руками и ногами. Ему быстро удалось добраться до края и вынырнуть из-под неё. Хорошо, что он не потерял ориентир под водой.

Мы отвели его в душ и согрели горячей водой. Его лодка продолжала торчать из-под носа баржи. Мы решили её достать, для этого мы свою лодку завели за нашу корму, кто-то из наших сел в неё, и на длинной верёвке стравили её под нос баржи. Другим тросом зацепили лодку Хасана за нос и шпилем подтянули к себе под корму. Хасан тут же хотел сесть в неё и отправиться на своё судно. Мы ему это не разрешили, а когда он отогрелся, позвали рейдовый катер, и он его с лодкой доставил на «СТ-700».

Навигация у нас сложилась на редкость удачной. Выполняли все месячные и квартальные планы на сто восемьдесят — двести пятьдесят процентов. Каждый месяц наш теплоход занимал первое место в социалистическом соревновании, получали вымпелы, флаги, премии месячные и квартальные. Такого успешного выполнения плана у нас не было ни до этой навигации, ни в последующие годы. После навигации меня наградили знаком «Победитель социалистического соревнования».

После навигации, помню, стоят речники около старой «Караванки», ждут зарплаты. Выходит бухгалтер Алевтина Ивановна Троицкая и говорит: «Мужики, кто-нибудь поехали со мной в банк за деньгами, поможете мне мешки взять и в служебный автобус отнести, заодно охранять будете». Выбрали несколько человек, и меня взяли тоже. Получили деньги и привезли на завод. Тем, кто охранял, выдали зарплату в первую очередь. Всё было просто, и никакого бандитизма и терроризма в те прекрасные времена не было.

1980 год был для нашей страны замечателен тем, что в Москве, впервые в социалистической стране, прошли XXII летние Олимпийские игры. Капиталистические страны, правда,

бойкотировали их, хотя под олимпийским флагом некоторые их спортсмены выступили и даже завоевали медали. Сборная СССР в командном зачёте завоевала восемьдесят золотых, шестьдесят девять серебряных, сорок шесть бронзовых медалей, в сумме — сто девяносто пять. Страна гордилась и болела за наших спортсменов. Второе место в те времена у нас считалось поражением. На флоте мы следили за Олимпиадой, смотрели телевизор. В те времена в Москву завезли «Coca-Cola» и кроссовки «Adidas», народ расхватывал эту экзотику. Даже появился стишок на эту тему:

Тот, кто носит «Adidas»,
Завтра Родину продаст.

Так оно и получилось в конце восьмидесятых годов. Любители иностранных шмоток предали нашу Родину — СССР. До сих пор люди вспоминают песню о талисмане игр Мише, звучавшую на закрытии Олимпиады.

Славное было время: на Енисее работало более тысячи судов, и флот всё время обновлялся. А теперь работает около сотни старых теплоходов, и старые речники вспоминают советские времена с ностальгией.

Апрель — август 2018